

3. Великий инквизитор

Когда мы исследуем природу при помощи естественных наук, мы всегда исходим из предположения, что мир существует и единственен. Из этого, в частности, следует, что мир в одной точке пространства обладает одной геометрией (и любая другая геометрия будет гипотетической). В современной науке возникают теории, согласно которым эта геометрия может зависеть от масштаба. Например, на расстояниях порядка планковской длины (10^{-33} см) геометрия пространства может быть существенно отлична от глобальной геометрии макромира. На малых расстояниях метрика не определяется — она флуктуирует, и пространство может выглядеть как пространственно-временная пена, по выражению американского физика Дж. Уилера. Но даже если метрика зависит от масштаба, все-таки она одна и та же для данной точки пространства и для одних и тех же условий наблюдения. Эта единственность — основополагающая аксиома научного познания. Мы хотим знать, как устроен мир, потому что знаем, что каким-то единственным образом он обязательно устроен и его устройство доступно наблюдению и, следовательно, познанию, поэтому картина мира однозначна и определима.

Но естественно-научный взгляд на мир не является единственным. Как только мы переходим к другим методам познания — например, к искусству, закон существования и единственности уже не выполняется. Искусство может относиться к одному и тому же элементу мира по-разному и может видеть разное. И все описания могут быть достоверными. Эстетическое отношение к миру принципиально многозначно, и существует неограниченно много точек зрения различных наблюдателей, и все они равноправны и верны.

В науке мир существует, и его картина единственная, в искусстве описываемый мир может объективно не существовать, то есть не иметь другого, кроме самого произведения искусства, выражения, и этот мир принципиально не единственен и многозначен.

Каково положение дел в этике? Именно этот вопрос интересует Ивана Карамазова. Во-первых, он показывает, что для него мир не существует или в том виде, в котором мироздание дано восприятию, оно существование недостойно. Для того чтобы мир имел право на существование, он должен быть устроен справедливо. Но в нем нет имманентных (а другие Ивана не устраивают) законов справедливости. Из этого немедленно следует заповедь этического релятивизма «Все позволено». Впрочем, лучше назвать это не заповедью, а именно аксиомой. Заповедь — это ограничение, «аксиома» происходит от греческого слова *axios* — «ценность», а «Все позволено» — это и есть единственная ценность в мире, существование которого определяется этическим релятивизмом. Припасть к кубку и пить до тридцати лет или даже до семидесяти, чтобы потом оторваться и обрести за гробом только смерть. Ивану такого рода этический релятивизм не очень нравится, но он согласен остаться при факте: мир либо не существует, либо его существование сводится к несвязанному набору утверждений — он лишен внутреннего смысла, лишен совести, абсурден. Исходя из той же аксиоматики, что и Иван, к точно таким же выводам пришел Альбер Камю, например, в «Мифе о Сизифе».

Каково отношение математики к миру с точки зрения его существования и единственности объекта изучения? Кант, вынося математику за скобки эмпирических (экспериментальных, частных) знаний, придал ей особый статус — науки об априорных «в строжайшем смысле всеобщих» знаниях. Эта свобода от эмпирики поставила математику в совершенно особое положение. Ее утверждения не всегда можно и не обязательно нужно проверять экспериментом. Ее утверждения получают статус истинности исходя из внутреннего обоснования. Это привело к тому, что в математике стали развиваться и конкурировать различные языки описания одних и тех же объектов, и если в начале XIX века еще обязательно делались отсылки к реальной природе, то очень скоро такие ссылки стали необязательными — достаточным подтверж-